Понтормо изнутри

Что побуждает человека вести дневник? Что заставляет его каждый день, отмечая число, месяц и год, скрупулезно наносить на бумагу строчки, описывающие незначительные события, мелкие переживания, нудную волокиту повседневности — неяркую, невнятную, не освященную озарениями, но мерно перетекающую из одного временного пространства в другое, строчки, создающие из вязи слов ту протяженность, что мы и называем жизнью, — череду действий, внешне неотличимых друг от друга и ни для кого, кроме пишущего, не должных представлять ни малейшего интереса?

Оставим в стороне дневники блестящие, наполненные рассуждениями и мыслями, дневники писательские, написанные со всем размахом большой литературы, изначально рассчитанные на внимание публики, на удивление и восхищение, которые должны вызывать глубина мысли и отточенность слога, — это особая литературная форма, позволяющая проявить крайнюю индивидуальную свободу. Не будем говорить и о дневниках, написанных в жанре исповеди, позволяющих высказать то, что не удалось высказать никому в лицо, наполненных разоблачениями и саморазоблачениями, о дневниках-скандалах, вычищающих душу и превратившихся в отстойник всего, что копилось в течение земной жизни, что не принято или невозможно было демонстрировать публично, что должно было быть скрыто, удалено как нечто постыдное. Забудем про дневники, написанные не профессиональными литераторами, но блестящими и яркими людьми о своей блестящей и яркой жизни - художниками, композиторами, авантюристами, придворными, политическими деятелями, знаменитыми любовницами и любовниками; эти дневники заключают в себе живую пульсацию времени, они приближают его, как подзорная труба приближает далекий берег, позволяют различить детали, и через десятки и сотни лет они способны заставить переоценить прошлое — то, что уже было оценено и осуждено потомками. Эти дневники с чем-то спорят, что-то опровергают, что-то доказывают, часто — беспощадно врут.

Существует, однако, и другой род дневников. Лишенные литературности, не описывающие события и приметы эпохи (что могло

бы быть интересно для далеких потомков), не подразумевающие ни онтологических, ни гносеологических рассуждений, лишенные отступлений и отвлечений, эти дневники представляют строгую фиксацию незначительных фактов. Они похожи на ставшие ординарными сегодня ежедневники — с расписанными по часам и датам нужными делами: что предстоит сделать сегодня, завтра и послепослезавтра. Расписано в них все только для себя, на память, для того чтобы не забыть мелочи, которые забываются легче всего. Но, в отличие от ежедневников, эти дневники обращены не к будущему, а к прошлому, они фиксируют то, что уже случилось. В них нет желания поразить, открыть истину, они даже не предполагают читателя и почти лишены нарциссизма, столь часто свойственного авторам дневников. В них ощутимо лишь стремление обрести независимость от времени, от его неостановимого потока, уносящего жизнь в бесконечность, в небытие. Открытые спустя годы, они вдруг — с потрясающей безыскусностью — раскрывают историю так, как не могут ее раскрыть никакие откровения самых блестящих персонажей, творящих историю. Эти дневники - простое свидетельство, но именно оно оказывается свидетельством решающим. Погружаясь в «Мою книгу», чувствуешь себя так, как будто наткнулся на несказанное чудо, на целый ворох выцветших фотографий флорентийской жизни середины XVI столетия. Сквозь века медленно проступают неясные очертания жизни, мелькают полустертые лица, о которых мы ничего не знаем, кроме того, что они были – но были столь же реально и убедительно, как и мы, пришедшие пять столетий спустя. «Моя книга» Понтормо — подвиг преодоленного времени.

Перевод дневника сделан по изданию: Pontormo. Il Libro mio / Edizione critica a cura di S. S. Nigro; presentazione di E. Baj. Genova: Costa & Nolan, 1984. Впервые перевод С. Лурье был опубликован в издании: Якопо Понтормо. Моя книга / вступ. статья и коммент. А. Ипполитова; пер. С. Лурье. СПб.: Институт «Про Арте», 2003. С. 21–44.

Якопо Каруччи да Понтормо

Моя книга

Jacopo Carucci da Pontormo Il Libro mio

[1554]

- Если не знать меры в физических нагрузках, в работе с холстом, в соитии или в еде, можно в несколько дней умереть или сильно занемочь; но следует соблюдать осторожность, особенно в июне, июле, августе и в первой половине сентября, стараться много не потеть и обязательно остужать тело, если много двигался; обращай также внимание на то, что ешь и пьешь, когда стоит жаркая погода.
- Потом, со второй половины сентября, начинай готовить себя к наступлению осени, когда дни становятся короткими и усиливается влажность, и, если летом ты пил слишком много жидкости, следует пить мало, голодать и совершать долгие бдения, чтобы зимние холода не застали тебя врасплох и не навредили.
- Не следует часто есть мясо, в особенности свинину, а со второй половины января вообще избегай ее, так как она очень вредна и вызывает лихорадку.
- Во всем соблюдай умеренность, ибо отеки и катары начинаются в феврале, марте и апреле, так как зимой их подмораживает холод. Будь особенно внимателен, если при полной луне холодно, а потом все размораживается и увлажняется, - отсюда рождаются сильные катары, может случиться удар или другое опасное заболевание. Это происходит, если в холодную погоду ты излишествуешь в еде и питье, мороз все это собирает и удерживает в тебе, но потом теплая и влажная погода все разогревает, и оно в тебе увеличивается и распухает. Однако, как я сказал выше, в правиле первом, если ты так перегрузил себя, позаботься о том, чтобы охладиться, так как такое состояние убивает сразу или в несколько дней. Так что, если зимой ты накопил слишком много жидкости, придерживайся порядка, указанного выше, в особенности соблюдай благоразумие в марте, более